

УДК 341.4

В статье анализируются содержательные аспекты построения конструкций института соучастия, фигур исполнителя, организатора, пособника и подстрекателя в международном уголовном праве, исследуются особенности толкования юридических признаков соучастников преступления в практической деятельности международных уголовно-правовых институтов.

Ключевые слова: международное уголовное право; уголовная ответственность; групповое преступление; соучастники; организатор; исполнитель; пособник; подстрекатель.

The article analyzes substantial aspects of creating institute of partnership patterns, figures of the performer, organizer, abettor and instigator in the international criminal law. Features of interpretation of legal signs of accomplices of a crime in practical activities of the international criminal-legal institutes are investigated.

Keywords: international criminal law; criminal liability; group crime; accomplices; organizer; performer; abettor; instigator.

О. Г. Соловьев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: olegsol1961@yandex.ru

О. В. Соколова

Ивановский государственный университет

E-mail: olgasokolova.067@mail.ru

Регламентация ответственности соучастников преступления в международном уголовном праве

Научная статья

O. G. Solovyev

P. G. Demidov Yaroslavl State University

O. V. Sokolova

Ivanovo state university

Regulation of Responsibility of Accomplices of a Crime in the International Criminal Law

Scientific article

Регламентация института соучастия, фигур соучастников в международном уголовном праве, в составах международных преступлений, в документах различных международных уголовно-правовых институтов имеет ряд специфических особенностей. Так, в национальном уголовном праве абсолютного большинства государств главной фигурой совершения преступления является исполнитель. В международном же праве ситуация в этом смысле несколько иная. Принято считать, что международное преступление характеризуется гораздо более серьезным уровнем его подготовки и осуществления, нежели общеуголовное.

Перед преступником стоят более сложные задачи по планированию преступления, обеспечению его исполнения, сокрытию возможных следов, трансграничных контактов и т. д. Следовательно, можно предположить, что в международном преступлении ведущую роль должен занимать, прежде всего, организатор, в отдельных случаях называемый преступным руководителем (англ. – criminalhead). Заметим, что по поводу фигуры организатора и руководителя в правовой доктрине не сложилось единой точки зрения. Ряд авторов, опираясь на положения ст. 6 Устава Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных

© Соловьев О. Г., 2017

© Соколова О. В., 2017

преступников европейских стран оси, принятого 08.08.1945 года в Лондоне (Устав Нюрнбергского трибунала), предлагают данные понятия разделять, выделяя отдельные фигуры руководителя и организатора как самостоятельные. Основным критерием разделения данных фигур в соучастии предлагается считать, что организатор – лицо, которое *непосредственно организует* совершение преступления или покушение на него, то есть планирует совершение преступления, а руководитель – лицо, которое *непосредственно руководит совершением преступления* в качестве распорядителя преступной деятельности остальных соучастников [1, с. 145].

На наш взгляд, разделение соучастников на руководителя и организатора имеет достаточно условную грань. В подавляющем большинстве случаев одно и то же лицо берет на себя функции по разработке плана совершения преступления, а также непосредственно следит за исполнением этого плана. Учитывая изложенное, укажем, что нет необходимости в нормативном разграничении данных понятий, а потому будет рассматривать данный вид соучастника как единый. В литературе такая точка зрения представлена в основном в публикациях последнего десятилетия [2, с. 56].

Несомненно, организатор (руководитель) международного преступления несет основную (особую) ответственность за все то, что совершается под их непосредственным руководством. Данный довод подтверждается и мировой практикой привлечения к уголовной ответственности организаторов (руководителей) международных преступлений. Так, одним из ярких примеров такого является обвинение, предъявленное на Токийском процессе, подсудимому Того (который являлся министром иностранных дел Японии во время Второй мировой войны): «... будучи членом правительства, подсудимый нес ответственность за общую политику своего правительства, отдавал преступные приказы, руководил аппаратом министерства иностранных дел, давал преступные поручения своим подчиненным» [3, с. 56].

Напомним, как особая роль организатора в преступлениях против человечности была подчеркнута в речи, произнесенной Главным обвинителем от СССР А. А. Руденко на Нюрнбергском процессе: «Конечно, подсудимым, занимавшим высшие руководящие посты в гитлеровской Германии, не было никакой нужды самим своими руками расстреливать, вешать, душить, замораживать живых людей в виде эксперимента. Это делали по их указаниям

их подчиненные, палачи, выполнявшие, так сказать, черную работу, а подсудимым нужно было только давать приказания, выполнявшиеся беспрекословно. Однако преступная роль их от этого отнюдь не снижается. Организаторы международных преступлений во много раз опаснее, чем те, которых они воспитывали в духе человеконенавистничества и изуверства и от которых, спасая себя, теперь отрекаются...» [4, с. 67].

Другой немаловажной фигурой в совершении международного преступления является исполнитель. В доктрине и судебной практике международного уголовного права существует достаточно большое количество определений данного термина. Полагаем, что наиболее лаконичным и отражающим признаки такового соучастника является следующее понятие: исполнитель – это лицо, которое непосредственно совершило преступление или покушение на преступление самостоятельно или совместно с другими лицами. В отдельных случаях в функции соисполнения практика включает и руководство иными исполнителями, в том случае если данным лицом выполнен хотя бы один преступный эпизод [5, с. 120]. Действительно, очень часто исполнитель международного преступления зачастую действует не только сам, но и с помощью разветвленного исполнительного аппарата. На основании этого возникает двоякая ситуация – основной исполнитель преступления действует при помощи лиц, которые сами также выступают в роли исполнителей. В отечественной доктрине признается, что лицо может признаваться исполнителем, если выполняло часть элементов объективной стороны. Полноту участия его в различных, порой альтернативных, действиях мы учитываем с помощью средств индивидуализации ответственности. Напротив, в современной практике международных трибуналов подчеркивается, что исполнитель прямо или косвенно принимает участие в совершении преступления, которое выражается в его действиях индивидуально или совместно с другими лицами. При этом особого внимания заслуживает тот факт, что непосредственного участия исполнителя во всех актах преступного поведения не требуется [5, с. 123]. По сути, это означает в исполнительство могут включаться действия организаторов или пособников. При этом четкая грань между такими соучастниками порой отсутствует. Так, в делах о военных преступлениях исполнителем преступления признается как начальник (командир), отдавший незаконный приказ,

так и лицо, которое исполнило такой приказ. Международная практика привлечения к ответственности за выполнение незаконного приказа идет однозначным путем: освобождения от уголовной ответственности в таком случае не будет, однако данное обстоятельство может быть признано в качестве смягчающего наказание.

С фигурой исполнителя тесно связана личность подстрекателя к преступлению. С точки зрения международного права подстрекатель – это лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления или покушения на преступление различными способами (путем уговоров, подкупа, угроз и т. д.). Для признания лица подстрекателем к совершению преступления необходимо установить, что побуждение к совершению преступления в значительной степени должно было повлиять на поведение исполнителя. Исходя из описания фигуры подстрекателя, можно сказать, что он действует с желанием спровоцировать либо склонить к совершению преступления другое лицо или осознает, что его действия с большой степенью вероятности спровоцируют совершение преступления исполнителем. Международное уголовное право, как уже говорилось, не относит к действиям подстрекателя отдачу приказа, в связи с тем что подстрекательство исключает наличие связей «начальник–подчиненный» между подстрекателем и исполнителем преступления. В отдельных случаях эта связь может выражаться и не по служебной линии взаимозависимости лиц – материальной, родственной и т. д.

Международному уголовному праву чужда акцессорная теория соучастия. В международных преступлениях зачастую, как уже отмечалось, весь центр тяжести ответственности переходит от исполнителя к организатору (иногда и к подстрекателю), поскольку именно последние могут воссоединить весь механизм преступления, совершаемого несколькими лицами. Не играет роли и то обстоятельство, что кто-либо из исполнителей в совокупной деятельности не участвовал или не достиг желаемой цели. Отсюда вытекает решение вопроса об эксцессе исполнителя, под которым следует понимать преступные действия лица, которые выходят за рамки общего плана, утвержденного соучастниками, то есть совершаемые им вопреки существующей между соучастниками договоренности. В силу того, что основой соучастия является умышленная совместная деятельность, а при эксцессе ее нет, соучастники не могут нести ответственность за такие действия исполнителя,

о которых они не знали и на которые своего согласия не давали.

Еще одним видом соучастников является пособник в совершении преступления. Пособник – это лицо, которое содействует совершению преступления и в значительной мере влияет на совершение преступления. Современное международное уголовное право рассматривает пособничество в двух формах: 1) как некоторую форму физической помощи в совершении преступления, но вспомогательного характера; 2) как моральную (в отечественном праве *интеллектуальную*) поддержку, которая производит существенный эффект на совершение преступления.

Яркой иллюстрацией проявления данных форм является одно из решений Международного трибунала по бывшей Югославии в отношении Р. Крстича. Так, в июле 1995 год Р. Крстич, являвшийся в тот момент командиром корпуса «Дрина», был осведомлен о намерениях ряда членов Главного штаба Войска Республики Сербска осуществить массовые казни боснийских мусульман в области Сребреница. Р. Крстич знал, что Главный штаб имел недостаточно собственных ресурсов, чтобы осуществить казни, а также осознавал, что в случае использования ресурсов корпуса «Дрина» он вносил существенный «вклад» в убийства заключенных из числа боснийских мусульман. Действия Р. Крстича по предоставлению возможности использования ресурсов корпуса «Дрина» Международным трибуналом были расценены как пособничество в преступлении [5, с. 127]. Заметим, что в решениях международных судов неоднократно подчеркивался тот факт, что пособник должен понимать и осознавать, что он своим поведением помогает исполнителю совершить преступление, то есть он непосредственно знает о намерениях исполнителя. На проходящем в 1957 г. в Афинах VII Международном конгрессе по уголовному праву было рассмотрено много вопросов, непосредственно касающихся соучастия. В частности, в резолюции было отмечено, что пособником признается лицо, которое сознательно оказывает содействие умышленному совершению преступления до его осуществления, в момент совершения, после его совершения или оно вытекает из предварительного сговора [6, с. 151].

Тем не менее полагаем, что международные уголовно-правовые институты в своих решениях до сих пор точно не определились с тем, кого же считать пособниками в совершении преступлений. Так,

имеют место быть решения, в которых указывается, что «моральная и словесная поддержка» или даже «простое присутствие» на месте преступления в ряде случаев может быть достаточным для того, чтобы установить, что обвиняемый участвовал в совершении преступления в качестве пособника [7, с. 55]. Думается, что данная позиция недопустима, поскольку роль пособника всегда должна быть выражена в *значительном влиянии* на совершение преступления, в то время как банальное присутствие при его совершении на умысел и действия исполнителя повлиять практически никак не может. Нечеткие формулировки линий разграничения признаков соучастников международных преступлений, размытые границы дифференциации преступного и не преступного поведения соучастников «ретушируются» элементами политизации международных уголовных процессов и, соответственно, документов международного уголовного права.

Несмотря на довольно высокий уровень развития как доктрины международного уголовного права, так и практики международных трибуналов, одной из самых сложных остается проблема определения видов и форм соучастия в совершении преступления. Доктрина международного уголовного права насыщена разнообразными классификациями видов соучастия [8, с. 301]. Однако реально существующими следует признать три основных вида: простое соучастие или соисполнительство; сложное соучастие или соучастие с распределением ролей; преступная организация. Ряд международных преступлений, таких как подделка денег и ценных бумаг, контрабанда, работоторговля, зачастую совершается в форме простого соучастия, то есть в данном случае соучастники непосредственно выполняют действия, которые и образуют объективную сторону данных преступлений. Однако «чистое» соисполнительство встречается очень редко, поскольку наиболее распространенным видом в международном уголовном праве является соучастие с распределением ролей. В данном виде соучастия выделяются исполнители, организаторы (руководители), подстрекатели и пособники, которые объединены между собой единой целью. В этом случае все члены несут ответственность не за отдельные действия, которые совершаются каждым из них лично, а за всю преступную деятельность, в которой они принимали непосредственное участие, в том числе и в совместном причинении

вреда. Эти два вида соучастия соответствуют форме соучастия – группе лиц, которая общепринята доктриной международного уголовного права.

Третий вид – преступная организация – выступает одновременно и как вид соучастия, и как форма соучастия. Устав Нюрнбергского трибунала в статье 9 прямо указывает на существование такой формы соучастия в международном уголовном праве. Преступные организации, деятельность которых рассматривалась, в частности, Нюрнбергским трибуналом, характеризуются довольно значительным числом членов. В связи с этим обстоятельством в работе трибуналов возникает необходимость выделения из этого числа непосредственно тех людей, которые могут и должны рассматриваться как наиболее активные участники международных преступлений, а также дифференциации функций и роли конкретного члена организации и определения меры ответственности каждого из них.

Ссылки

1. Иногамова-Хегай Л. В. Международное уголовное право. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 495 с.
2. Гридчин А. А., Пашкевич А. В. Управление международным антитеррористическим сотрудничеством: монография. М.: Этносоциум, 2016. 268 с.
3. Колосов Ю. М. Ответственность государств и индивидов за нарушение норм международного гуманитарного права // Международное гуманитарное право. Актуальные проблемы: Труды Академии управления МВД России. М., 2000. С. 59–65.
4. Нарбутаев Э., Сафаев Ф. Курс международного уголовного права. Ташкент: Мехнат, 2006. 289 с.
5. Найер А. Военные преступления: Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. М.: Юрист, 2000. 368 с.
6. Кудрявцев В. Н., Пионтковский А. А., Строгович М. С. VII Международный конгресс по уголовному праву в Афинах // Советское государство и право. 1958. № 4. С. 148–152.
7. Кибальник А. Г. Некоторые проблемы понимания соучастия в решениях современных международных трибуналов // Международное уголовное право и международная юстиция. 2013. № 6. С. 3–6.
8. Костенко Н. И. Международная уголовная юстиция. Проблемы развития. М.: РКонсульт, 2002. 448 с.